

Н.П. Виноградов

**Догматическое учение
святого Григория Богослова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Н11

Н11 **Н.П. Виноградов**
Догматическое учение святого Григория Богослова / Н.П. Виноградов – М.:
Книга по Требованию, 2015. – 519 с.

ISBN 978-5-518-06254-2

ISBN 978-5-518-06254-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

научномъ изложеніи и систематизаціи христіанскихъ истинъ. Такого рода именно произведеніи св. Іустина Философа, Татіана, Аѳинагора, св. Теофила Аптіохійскаго, св. Иринея и другихъ церковныхъ писателей—апологетовъ второй половины II вѣка, хотя въ нихъ христіанская философія является только еще отрывочною, почти безъ всякой впутренней связи и яснаго отличія ея отъ самаго христіанства. Рядомъ съ этими отдѣльными личностями выступаютъ на защиту христіанства цѣлыя школы, которыя, усвоивъ себѣ то или другое направленіе, съ различныхъ сторонъ опровергаютъ языческой глосисъ и, въ противоположность ему, раскрываютъ истинное христіанское знаніе. Таковы школы малоазійская и сѣверо-африканская, при всемъ своемъ церковно-традиціонномъ характерѣ и направленіи, впесшія въ христіанское богословіе немало научныхъ элементовъ; такова, въ особенности, школа александрійская, которая, усвоивъ себѣ строго-философскій и созерцательный характеръ, получила весьма широкое развитіе и подчинила своему вліянію почти весь тогдашній христіанскій Востокъ. Съ развитіемъ въ церковной литературѣ научнаго и философскаго характера и направленія, христіанское вѣроученіе, оставаясь въ сущности неизмѣннымъ, постепенно раскрывалось и уяснялось въ сознаніи вѣрующихъ съ различныхъ сторонъ и получало бѣольшую полноту и опредѣленность, сравнительно съ прежнимъ его состояніемъ. Церковные писатели, въ особенности александрійскіе, съ успѣхомъ отражая нападенія языческихъ ученыхъ и философовъ и защищая христіанство, въ то же время стали стремиться къ тому, чтобы сблизить философію съ религіею, соединить вѣру съ знаніемъ, сообщить христіанскому вѣроученію научный характеръ и, въ противовѣсъ языческимъ системамъ, представить его въ формѣ религіозно-философской системы. Эта нелегкая задача, по самому существу христіанской религіи, какъ религіи высочайшей и

въ то же время таинственной и непостижимой, могла быть выполнена съ успѣхомъ, безъ сомнѣнія, только подъ условіемъ подчиненія разума авторитету вѣры, какъ это мы и видимъ у лучшихъ православныхъ церковныхъ писателей. Но, между тѣмъ какъ одни изъ церковныхъ писателей, относясь къ христіанскому ученію, какъ къ непреложному слову Божію, полному таинственности и въ своей сущности недоступному для человѣческаго разума, при изслѣдованіи и раскрытіи его, ограивали участіе разума только доступною ему областію, не касаясь сущности вѣры,—другіе, не удовлетворяясь такимъ отношеніемъ къ данному содержанию христіанскаго вѣроученія, старались проникнуть въ самую сущность христіанскаго ученія, объяснить разные темные и непонятные въ немъ пункты и вопросы съ чисто—философской точки зрѣнія, словомъ—примирить и соединить религію съ философіею подъ условіемъ подчиненія ей послѣдней. Это раціоналистическое отношеніе къ религіознымъ истинамъ возникло въ христіанскомъ обществѣ подъ вліяніемъ направленія, извѣстнаго у историковъ подъ именемъ „спиритуалистическаго раціонализма“ или „мистико-раціоналистическаго“ направленія въ области религіи, которое, какъ извѣстно, зародившись во II вѣкѣ до Рождества Христова, съ особенною рѣзкостью выразилось въ тесофической системѣ извѣстнаго александрійскаго іудея—Филона, потомъ въ существенныхъ чертахъ своихъ повторилось въ системахъ гностицизма и неоплатонизма. Правда, послѣднія уже при первомъ своемъ появленіи въ христіанствѣ встрѣтили себѣ весьма сильную оппозицію и рѣшительное опроверженіе въ произведеніяхъ церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, тѣмъ не менѣе сѣмя, брошенное ими на христіанскую почву, въ свое время должно было принести плодъ. Ближайшимъ поводомъ къ появленію упомянутаго направленія въ христіанствѣ послужило раскрытіе церковными

писателями-апологетами второй половины II вѣка христіанскаго догмата о Св. Троицѣ, въ особенности же—о Сынѣ Божіемъ, какъ самостоятельномъ божественномъ Лицѣ, отъ вѣчности существующемъ вмѣстѣ съ Богомъ Отцемъ, во времени же воплотившемся и совершившемъ спасеніе людей. Такое ученіе было не согласно съ главными и основными принципами направленія, проходившаго въ системахъ Филопа и гностицизма, и, очень естественно, вызвало себѣ оппозицію со стороны тѣхъ христіанъ, которые были воспитаны въ этомъ направленіи и были ревностными приверженцами идей филонизма и гностицизма ¹⁾. Явилось монархіанство или ересь антитринитаріевъ, волновавшая христіанскую Церковь въ продолженіи цѣлаго III столѣтія и открывшая собою путь къ догматическимъ движеніямъ слѣдующаго—IV вѣка.

Въ христіанствѣ, производившемъ въ то время переворотъ во всемъ мірѣ, особенно таинственными представлялись всѣмъ два главныхъ пункта, именно—ученіе о Пресвятой Троицѣ и воплощеніи Сына Божія. Теперь, когда въ догматической дѣятельности Церкви началось движеніе, естественно, прежде всего обращено было вниманіе на ученіе о Богѣ. Въ вѣрѣ Христовой понятіе о *трїединомъ* Богѣ замѣнило всѣ неопредѣленныя представленія и весь громадный музей боговъ политеизма. Но въ этомъ понятіи о Богѣ заключается въ одно и то же время два момента—единство и троичность. Человѣческій разумъ никакъ не могъ возвыситься до пониманія того, какимъ образомъ идея троичности Божества можетъ совмѣщаться съ идеею Его единства. Христіанство рѣшило эту проблему ученіемъ о единствѣ Бога по существу и троичности Его въ Лицахъ. Но такъ какъ къ тому времени философія еще не успѣла выяснить поня-

¹⁾ Д. Гусснъ. Ересь антитринитаріевъ третьаго вѣка, стр. 57—58. Казань. 1872.

тій *существа* (*οὐβία*) и *лица* (*ὑπόστασις*), и въ обыкновенномъ употребленіи ихъ не было никакого различія, то, естественно, христіанское понятіе о *трїединомъ* Богѣ могло представляться неяснымъ и даже противорѣчіемъ основнымъ началамъ человѣческаго мышленія. Между тѣмъ, многими философствующимъ умамъ, еще не вышедшимъ изъ-подъ вліянія недавняго энтузіазма въ пользу абсолютнаго единства Божества, казалось несообразнымъ съ идею послѣдняго признавать, вмѣстѣ съ христіанствомъ, трехъ Лиць, по своему божественному достоинству совершенно одинаковыхъ; для нихъ казалось необходимымъ и наиболее сообразнымъ съ достоинствомъ Творца всего существующаго, чтобы Онъ одинъ возсѣдалъ на тронѣ Божества. Равнымъ образомъ имъ казалось невозможнымъ, чтобы Богъ, безъ униженія собственнаго достоинства, сошелъ на землю для того, чтобы облечься, хотя бы на одинъ день, въ жалкій покровъ чело-вѣчества. Эти узкіе разсчеты чело-вѣческой мудрости о томъ, что сообразно и что не сообразно съ достоинствомъ еди-наго Божества, и въ то же время неупорядоченное стремленіе философствующаго ума проникнуть въ самую глубь христіан-скихъ тайнъ побудили нѣкоторыхъ изъ христіанъ искать способа примиренія мнимыхъ противорѣчій и несообразно-стей въ христіанскихъ догматахъ и составить свое особенное ученіе о Богѣ и Его отношеніи къ чело-вѣчеству. Уничто-жить кажущееся противорѣчіе въ христіанскомъ понятіи о трїединомъ Богѣ казалось возможнымъ только подъ усло-віемъ предоставленія преобладающаго значенія какому-либо одному изъ заключающихся въ немъ моментовъ, или подъ условіемъ отрицанія одного момента въ пользу другаго. При этомъ, очевидно, могли выступить двѣ противополож-ности: или единство могло имѣть преобладаніе надъ троич-ностію въ Божествѣ,—въ такомъ случаѣ троичность должна потерять свое значеніе и исчезнуть, — или исключительно

могла утвердиться троичность въ ущербъ единству. Христианское ученіе о *единомъ* высочайшемъ Существовѣ, противоположное языческому политеизму, естественно, всего больше должно было обратить на себя вниманіе философствующаго ума и занять главное мѣсто и значеніе въ понятіи его о Божествѣ, отождествившись съ понятіемъ единоличности Божества. И дѣйствительно, еретическая односторонность въ пониманіи Божества, какъ одного *Лица*, составляетъ главную и существенную особенность всѣхъ монархіанскихъ или антиринитарныхъ системъ III вѣка. А чтобы не стать въ противорѣчіе съ общецерковнымъ ученіемъ о троичности Божества, еретики удержали у себя и догматъ троичности,—впрочемъ, не съ существенной, а только съ формальной ея стороны,—признавъ вмѣсто трехъ самостоятельныхъ божественныхъ Лицъ, только три различныя *проявленія* или модуса, или даже — три имени одного и того же божественнаго Лица. Съ отрицаніемъ же самостоятельнаго божественнаго бытія Сына Божія, въ системахъ антиринитаріевъ III вѣка, очевидно, не могло быть и рѣчи о тайнѣ Боговоплощенія въ смыслѣ церковнаго ученія, т. е. объ вѣчномъ, нераздѣльномъ, неслиянномъ и вѣчномъ соединеніи въ I. Христѣ двухъ естествъ—божескаго и человѣческаго. Съ точки зрѣнія антиринитаріевъ, имѣвшей свое основаніе въ гностическомъ принципѣ дуализма или противоположности между духомъ и матеріею, между Существомъ безконечнымъ и существами ограниченными, единая божественная Личность не можетъ всецѣло и нераздѣльно соединиться съ личностію человѣческою, по безконечному различію между ними. Отсюда Христосъ-Спаситель, по воззрѣнію однихъ антиринитаріевъ (евіонейскаго направленія) есть простой человѣкъ, одаренный только особенными божественными силами, пребываніе которыхъ въ Немъ выражалъ Логосъ, жившій и дѣйствовавшій въ Немъ, какъ въ храмѣ Божіемъ; по воз-

зрѣнію же другихъ (патриасіанскаго направленія), Христосъ-Спаситель есть второе откровеніе абсолютной Монады, явившейся подъ оболочкою плоти для совершенія спасенія людей, не въ смыслѣ вностаснаго соединенія Ея съ человѣкомъ—Христомъ, а въ смыслѣ пребыванія въ Немъ только одного простаго Ея свойства или качества. Такъ рѣшались вопросы о Св. Троицѣ и о Лицѣ І. Христа во всѣхъ монархіанскихъ или антитринитарныхъ системахъ III вѣка, представлявшихъ, при всей своей многочисленности и различіи въ направленіяхъ, строгое единство общаго духа и полное согласіе въ своихъ началахъ и основныхъ положеніяхъ ¹⁾.

Явившись на почвѣ христіанской, система антитринитаріевъ, подъ вліяніемъ теософическихъ доктринъ филонизма и гностицизма, оказалась совершенно чуждою духа и сущности христіанства. Отрицая главный и существенный христіанскій догматъ о Св. Троицѣ, пизводя божественнаго Основателя христіанства на степень простаго человѣка, снимая съ самаго христіанства ореолъ сверхъестественности, божественности и непогрѣшимости, она подрывала его въ самыхъ основаніяхъ и представляла немало опасностей для Церкви. Поэтому, на первыхъ же порахъ своего появленія она, въ обоихъ своихъ видахъ, обратила на себя серьезное вниманіе и вызвала сильное противодѣйствіе себѣ среди поборниковъ и ревнителей христіанской истины. Въ западной Церкви про-

---

¹⁾ Всѣ монархіане или антитринитаріи различаются, обыкновенно, по двумъ направленіямъ—свионейскому (съ преобладаніемъ іудейскаго элемента) и патриасіанскому съ преобладаніемъ элемента языческаго), изъ которыхъ главными представителями перваго направленія были: Θεодотъ кожевникъ, Артемонъ, Бериллъ Бострскій и Навель Самосатскій, а втораго — Праксей, Нозъ и Савеллій. Но оба эти направленія, различныя между собою въ частностяхъ, сходны въ общихъ принципахъ и основныхъ положеніяхъ.—Подробное изложеніе антитринитарныхъ системъ см. въ цитованномъ выше сочиненіи *Д. Гусова*.

тивниками ея выступили: Тертуліанъ, Новатіанъ св. Ипполитъ, св. Діонисій Римскій и др. Въ своихъ полемическихъ произведеніяхъ эти церковные писатели не только представили подробнѣйшее опроверженіе монархіалскихъ системъ, но и раскрыли положительное ученіе Церкви по вопросамъ своего времени. Главный пунктъ въ системѣ свіонейскихъ анти-тринитаріевъ, т. е. что І. Христосъ есть только простой человѣкъ, какъ извѣстно, былъ опровергнутъ уже прежде—въ борьбѣ Церкви съ іудействомъ, евіопействомъ и назорействомъ, потомъ—съ гностицизмомъ и вообще съ язычествомъ, и, слѣдовательно, не представлялъ для церковной полемики ничего новаго. Поэтому, церковные писатели III вѣка останавливаются на немъ сравнительно мало и въ своихъ полемическихъ произведеніяхъ повторяютъ только то, что уже прежде было писано о Божествѣ І. Христа. Все вниманіе ихъ было сосредоточено на догматѣ троичности Лицъ въ Божествѣ, который одинаково неспровергался во всѣхъ антитринитарныхъ системахъ. Въ противоположность еретическому сліянію и отождествленію Лицъ Св. Троицы, они со всею ясностію, подробностію и обстоятельностью раскрывали и доказывали дѣйствительное различіе Лицъ Пресвятой Троицы. Божество, по ихъ представленію, не есть одно Лице, какъ утверждали еретики, и Отець, Сынь и Св. Духъ — не проявленія или только различныя имена одной и той же божественной Личности, а три отличныя одно отъ другаго и самостоятельныя божественныя Лица. Но признаніе трехъ самостоятельныхъ Лицъ въ Божествѣ отнюдь не противорѣчитъ ученію св. Писанія о единствѣ Божества и не есть вѣра въ „трехъ боговъ“, потому что всѣ три Лица Св. Троицы нераздѣльны и имѣютъ одну и ту же сущность (substantiam): Отець, Сынь и Св. Духъ суть три не по существу, а по образу своего бытія, по личнымъ особенностямъ, и всѣ Они совершенно

одинаковаго достоинства и равной власти ¹⁾. Къ тому же самому выводу, т. е. что бытіе трехъ различныхъ Лиць въ существѣ Божіемъ нисколько не противорѣчитъ идеѣ монархіи или единства Божества, приводитъ, по мнѣнію защитниковъ православнаго догмата, и разсмотрѣніе отношенія между Лицами Св. Троицы,—отношенія самаго тѣснаго и внутренняго, какое только можетъ существовать между Лицами единосущными. Такъ какъ въ этомъ вопросѣ главное вниманіе монархіанъ было сосредоточено на второмъ Лицѣ Св. Троицы, о третьемъ же Лицѣ у нихъ говорилось очень мало, то и противникамъ ихъ приходилось раскрывать главнымъ образомъ православное ученіе о Сынѣ Божіемъ и Его отношеніи къ Отцу; въ отношеніи же къ Духу Святому они ограничивались только темными и самыми общими замѣчаніями. Выставляя, вопреки еретикамъ, личное бытіе Сына и отличіе Его отъ Отца, они въ то же время указывали и на его полное равенство, тождество природы или единосущіе съ Отцемъ.

Между тѣмъ какъ на Западѣ, въ борьбѣ Церкви съ антитринитаріями, утверждалось и развивалось ученіе о Св. Троицѣ съ выраженіемъ дѣйствительнаго различія и въ то же время полнаго равенства и единосущія всѣхъ трехъ божественныхъ Лиць, на Востокѣ раскрытіе этого догмата получило нѣсколько иной характеръ и направленіе. Стараясь какъ можно рѣзче выставить ипостасное различіе въ Божествѣ въ противоположность монархіанскому принципу единоличности Божества, нѣкоторые восточные церковные писатели, именно писатели александрійской школы, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ то время теософическихъ идей платонизма, филопизма и неоплатонизма, зашли уже слишкомъ далеко, допустивъ по отношенію къ Лицамъ Св. Троицы принципъ субор-

---

¹⁾ *Tertullianus. Adversus Praxeam, cap 2*

дипаціонизма. Если первые александрійцы, Палтентъ и Климентъ, положившіе пачало философскому направленію въ своей школѣ, стумѣли еще удержаться въ своихъ богословскихъ воззрѣніяхъ на строго-христіанской почвѣ, то уже у ближайшаго ихъ преемника — Оригена, предоставившаго слишкомъ широкое мѣсто философіи въ построении имъ системы христіанскаго вѣроученія, замѣтно отразилось вліяніе философіи на его ученіи о Св. Троицѣ и въ особенноти о Логосѣ и Его отношеніи къ Богу Отцу. Безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ философскихъ идей и понятій своего времени, знаменитый христіанскій учитель допустилъ въ своихъ произведеніяхъ по отношенію къ Логосу тѣ выраженія, которыя дали поводъ нѣкоторымъ позднѣйшимъ писателямъ считать его отцемъ восточной теоріи субординаціонизма и возникшихъ изъ нея еретическихъ системъ послѣдующаго времени ¹⁾, хотя, съ другой стороны, въ тѣхъ же самыхъ произведеніяхъ Оригена и въ гораздо большемъ количествѣ встрѣчаются такія выраженія, которыя даютъ полное право заключать о его правомыслии какъ относительно Логоса, такъ и, вообще, относительно догмата Св. Троицы ²⁾. Но если трудно заподозрить

¹⁾ Сюда относятся, напр., выраженія Оригена относительно Логоса: Онъ — Богъ чуждый (*ἕτερος*) Отца, Богъ меньшій (*Origen Commentar. in Johan., I, II, 31; cf. Contr. Cels., VIII, 14*); наименованіе Бога Отца «ὁ Θεός», Сына же — просто «Θεός» (*Comment. in Johan., II, 2*); Сынъ по существу отличенъ отъ Отца (*ibid., II, 50*); Онъ предвѣчно рождается отъ Отца, но Его рожденіе есть только актъ воли Отца, иначе сказать — твореніе (*κτίσις*, а не рожденіе изъ существа, такъ какъ послѣднее, по мнѣнію Оригена, заключаетъ въ себѣ понятіе чувственнаго отдѣленія отъ существа Отца (*De princ., IV, 28*); Сынъ ниже Отца: Онъ ниже Его по началу своего Божества, такъ какъ источникъ Его Божества въ Отцѣ (*Comment. in Johan., III, 618*) и Отецъ есть Господь надъ Нимъ, какъ надъ слугою (*De orat., 224*); Онъ ниже Отца по познанію (*Comment. in Johan., XXXII, 149*); ограниченнѣе Его по власти (*De princ., I, 8, 6; Comm. in Johan., I, 14*) и т. и

²⁾ На основаніи многочисленныхъ выраженій въ различныхъ его сочиненіяхъ можно заключать, что онъ признавалъ Сына Бо-

самого Оригена въ субординаціонизмѣ въ ученіи объ отношеніяхъ между Лицами Пресвятой Троицы, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ вліяніи и значеніи его ошибокъ, какое отразилось на послѣдующей судьбѣ вопроса о Св. Троицѣ. Геній Оригена слишкомъ обаятельно дѣйствовалъ на умы его современниковъ и почитателей, чтобы они могли быть свободными отъ его ошибокъ и увлеченій. И дѣйствительно, уже одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ и учениковъ его, Діонисій Александрійскій, полемизируя противъ савелліанъ, подъ вліяніемъ субординаціонистическихъ идей своего учителя, допустилъ нѣкоторыя рѣзкія и неосторожныя выраженія о Сынѣ Божіемъ, назвавъ Его произведеніемъ (*ποίημα*) Отца, чуждымъ Ему по существу (*ξένος κατ' οὐσίαν*), стоящимъ къ Нему въ такомъ же отношеніи, въ какомъ, напр., виноградная лоза къ дѣлтелю или ладья къ судостроителю, и, сверхъ того, отвергъ предвѣчное Его бытіе съ Отцемъ (*οὐκ ἦν πρὶν γενῆται*)¹⁾. Впрочемъ, самъ св. Діонисій держался строго православнаго образа мыслей о Св. Троицѣ вообще и о Сынѣ Божіемъ въ частности, и если допустилъ упомянутыя выраженія, противныя православному ученію, то только какъ онъ самъ объяснилъ впоследствии—по требованію обстоятельствъ,—чтобы какъ можно рѣзче и выпуклѣе представить его противникамъ личное различіе между Лицами Св. Троицы. Поэтому, когда римскій епископъ, св. Діонисій,

---

жія Лицемъ отдѣльнымъ отъ Отца и самостоятельнымъ (*Comment. in Johan. I, 47*), но въ то же время такимъ же Богомъ, какъ и Богъ Отецъ, отличнымъ отъ Него только тѣмъ, что Онъ имѣетъ свое начало въ Отцѣ,—раждается отъ Него (*De princíp., I, 2, 3*), но рождается отъ вѣчности (*Comm. in Johan. II, 55*), неосстижимымъ для насъ образомъ (*De princíp., I, 110*), только во всякомъ случаѣ безъ отдѣленія и уменьшенія въ Богѣ (*ibid., IV, 368*); вслѣдствіе этого, Сынъ Божій, по представленію Оригена, одного естества съ Богомъ Отцемъ, Онъ—Его естественный Сынъ (*Comm. in Johan. V, 99*), Богъ у Бога (*ibid., I, 47*), едино съ Богомъ Отцемъ (*Comm. in Matth. XIII, 19*) и т. п.

¹⁾ *S. Athanas. Epistola de sententia Dionysii Alexandrini, cap. 4.*